

Вместо предисловия

Этот цикл, дававшийся в блоге «Огурцова на линии» в виде отдельных статей, изначально задумывался в полемике с навязываемыми всему обществу жесткими стереотипами, о «демократических преобразованиях всего общества» - путем искусственного создания «класса эффективных собственников» на основе приватизации бюджетобразующих отраслей государственной промышленности группы «А».

Не касаясь макроэкономических, демографических и социальных последствий подобных решений (которым посвящены другие циклы блога, например «Разговорчики в строю», «СЗХ – стратегические зоны хозяйствования» и др.), в цикле «Нравственные критерии анализа» рассматривались попытки изменения *общественной морали* и *общественного мнения* – в пользу новых «эффективных собственников», не создававших собственность личным трудом.

Известная каждому с детства поговорка «*Без труда не вытянешь и рыбку из пруда*» - вдруг на новом витке социального излома российского общества перерабатывается в шаблонные маргинальные поговорки вроде «*Если ты такой умный, то почему такой бедный?..*»

Здесь, как мы видим, не только полностью уничтожается *нравственная основа* общественных оценок, но и незаметно навязывается постулат о том, что лишь глупый человек может руководствоваться в жизни всем известными нравственными принципами «что такое хорошо и что такое плохо».

На фоне нескрываемой издевки, в «лихие 90-е» постоянно звучали моральные наезды на все общество по поводу некрасивой (т.е. *неэтичной*) «*зависти к богатым людям*», «попытках заглянуть в чужой карман».

Одновременно с этими новыми нравственными (безнравственными) аспектами оценки происходящего каждый человек в отдельности постоянно получал удар по человеческому достоинству горячими убеждениями «*нас все равно никто не услышит*», «*от нас все равно ничего не зависит*».

Подобные «нравственные преобразования» имели под собой почву длительного навязывания *социальной апатии* в ходе идеологического «формирования нового человека», а по сути *социального иждивенчества* в советский период.

Общество привыкло, что для «формирования общественного мнения» существует некая отдельная прослойка «прогрессивных людей»: журналисты, филологи, партийные начетчики и т.д. В современных условиях достаточно сомнительных с правовой точки зрения «преобразованиях», - на передний план освещения жизни общества вышли юристы и «политтехнологи». Но, заметим, что основной целью этих «авангардов всего общества», выступавших с *классовых позиций* (т.е. с позиций расслоения всего общества по отношению к реальной власти и политическому значению определенных групп населения) - был прямой наезд на *нравственные оценки* отдельного человека, конкретной *личности*.

Гегель определяет *нравственность* как *разум воли*. Несмотря на то, что *нравственность* – имеет в своем корне «нрав», этот термин, чаще всего употребляется в речи и литературе как синоним *морали*, иногда — *этики*.

Но именно в литературном значении *нравственность* понимается в качестве совокупности внутренних установок индивида действовать согласно своей совести и свободной воле.

Таким образом, *нравственность* трактуется литературой в частности и искусством вообще – как категория совести или, по меткому определению Виссариона Григорьевича Белинского, это свойство личности, определяющее все, «*чем человек есть человек*». *Нравственность*, проявляемая в образах героев литературных произведений, по глубокому убеждению В.Г. Белинского, «*в твердом, глубоком убеждении, в пламенной, непоколебимой вере в достоинство человека, в его высокое назначение*».

В этом глубокое различие *нравственности* и *морали*, которая, наряду с законом, является *внешним требованием* к поведению индивида в обществе.

Нередко существующие *моральные нормы* являются не только *безнравственными* с точки зрения отдельных членов общества, вступая в противоречие с их личной свободой совести, но и являются *неэтичными* с точки зрения исторически сложившихся к этому времени *общепринятых норм*.

В момент взлома таких общественных отношений, когда намеренно путается верх с низом, добро и зло – особую важность в оценке происходящих явлений приобретают внутренние нравственные установки, опыт нравственного осмысления происходящего, который невозможен без опоры на современную большую прозу, современные художественные образы, включающие сознание читателя в эстетическую триаду «автор-образ-читатель».

Именно поэтому большая проза является прерогативой сложившейся нации, общественная жизнь которой в любом *социальном изломе*, как правило, сопровождается жизнеспособными образами, на которых читатель уже сделал для себя *нравственный выбор*. Пожалуй, лишь в нашей действительности общество впервые сталкивается с полным отсутствием *настоящей литературы*, где в ходе развития образов в прозаической ткани произведения – нравственные оценки выносятся *самим читателем*.

В настоящей современной литературе, после титанов русской прозы конца XIX века и первой половины XX века, - нравственный выбор более не может навязываться прямыми моральями автора. Уже при «дедушке Крылове» этот этап был полностью пройден в жанре русской басни, когда моральная сентенция завершала аллегорический сюжет с образным рядом героев-животных. Сам уровень образности басен Крылова с «первоисточниками» из Лафонтена и Эзопа, имеет куда более мощные корни в русских народных сказках, которые все читатели баснописца отлично знали с детства с неизменной присказкой «Сказка – ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок!»

Памятник И.А. Крылову у входа в Летний сад в Санкт-Петербурге. Краткая надпись на нем гласит: «Крылову. 1855».

Скульптор Петр Карлович Клодт (1805—1867) изобразил Ивана Андреевича Крылова в обычной, будничной одежде, скопировав для большей точности просторный длиннополый сюртук, который баснописец носил в последние годы жизни.

Большая русская проза призвана облегчить нравственный выбор взрослого сложившегося человека, в сложных *внешних условиях*, диктуемых властью, принимаемых в условиях столь мощного государства, как Россия, - характер фатальной неизбежности краха *личных*

ПРЕДИСЛОВИЕ

установок. Литература призвана помочь человеку сохранить свою *нравственность* и *духовность*, не теряя собственное достоинство, с одной стороны, и не вставая на гибельный путь противоправных действий попыток «переделать все общество». Литература должна помочь сохранить человеку, развить и преумножить собственную личность, помочь, как это принято говорить, «свою дорогу в жизни».

В современной литературе, которая сегодня *не успевает* за нравственным выбором всего общества, превалирует образ самого автора, от лица которого ведется повествование. Этот прием более характерен для поэзии и жанровой литературы, но является мелким и обременительным для читательского мировоззрения России, «избалованного» мощной прозой предшественников. За неумением создать *современный* литературный образ, в котором бы читатель нашел опору для собственного *сотворчества*, без которого любая литература *мертва*, - стоит неверно *сделанный нравственный выбор* самого автора, его личная моральная неразборчивость, готовность к нравственным компромиссам.

Огромный читательский интерес, проявленный к статьям данного цикла, готовность обсуждать проблемы нравственного выбора на всем известным произведениям русской классической литературы, свидетельствует о том, что грандиозный базис истории и культуры России сам по себе составляет непреходящую основу нравственного выбора.

Эта книга является не только развернутым изложением прошедших обсуждений проблем нравственности в нашей действительности, но и является своеобразной ретроспективой нравственных критериев анализа, которые *выдвигаются на передний план самой историей человечества.*